

УДК 316.728

DOI: 10.17223/1998863X/41/18

А.С. Петухов. С.В. Пирогов

ТЕОРИИ ПРАКТИК КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*Рассматриваются возможности применения теорий практик для изучения повседневности. Выделены три методологические проблемы: проблема соотношения повседневности и институционального порядка, проблема соотношения рационального и нерационального в жизнедеятельности людей, проблема механизмов изменения реальности. На фоне анализа ограниченности феноменологической трактовки повседневности показаны методологические возможности теорий практик. Проанализирован методологический потенциал изучения повседневности следующих теорий: теории *habitus* П. Бурдье, теории *фигураций* Н. Элиаса, теории пространственных практик М. де Серто.*

Ключевые слова: *повседневность, теории практик.*

1. Методологические основания «открытия» повседневности: какие методологические вопросы (проблемы) поднимает тема повседневности?

Возникновение интереса к повседневности было обусловлено определенными недостатками классической методологии, прежде всего крайностями рационализма: различные авторы стали обращать внимание на то, что существуют и другие, нерационалистические формы познания и деятельности. Собственно, открытие повседневности произошло в феноменологии. У М. Вебера процесс «оповседневивания» еще тождествен упадку, повседневность может быть «гупой» и «гнетущей» [1. С. 331]; для него целерациональное действие и есть социальное действие. У М. Хайдеггера появляется тезис о переоткрытии, переосмыслении реальности в ходе повседневной, непреднамеренной, предметно-практической деятельности. Новый смысл, а значит, новый феномен, новое явление, новая вещь возникают как «просвет бытия», как другое видение уже существующего [2]. Хайдеггер обращает внимание на значимость предметно-практической, технической, инструментальной деятельности для появления нового [3]. Размышляя над путями появления нового, он, по сути, ограничил империализм рационального, характерного для классической философии и развивал мысль Гуссерля, что базовой реальностью является реальность повседневной жизни – один из основных тезисов феноменологии. Именно здесь, в рутине повседневной жизни, формируются новые структуры бытия. Новое чаще всего появляется как непреднамеренное отклонение от традиционных действий. И здесь возникает вопрос: как новое входит в структуру старого, как легитимизируются новые практики, как непреднамеренное превращается в объективную реальность, т.е. признается в качестве очевидной и «правильной»? Хайдеггер поднял еще один важный вопрос: как можно помыслить пространство, где нет четкого

разделения на объект и субъект, пространство, где появляются вещи как единство объективного и субъективного? Но в целом отношение к повседневности определяется у него все еще еще понятиями рутины и однообразия. А. Щюц, синтезируя идеи Гуссерля и Вебера, объявляет повседневность «высшей реальностью», основой, на которой формируются все прочие миры опыта [4]. Однако Щюц дает описательное определение повседневности, выделяя такие характеристики, как напряженно-бодрствующее состояние сознания, целостность личностного участия в мире, совокупность самоочевидных, не вызывающих сомнения представлений и др. [5. С. 125]. Различные авторы используют термины, которые являются скорее метафорами, чем substantициональными характеристиками и мало что проясняют в понимании его сущности, строения, характерных свойств.

Интерес к повседневности возник и со стороны исторической науки. Здесь была осознана необходимость преодоления крайностей в понимании общества и истории как, с одной стороны, некоторой безличной системы или стихийного процесса изменений и деятельности конкретных людей, индивидов с их обычными житейскими заботами и делами. Появился интерес к обычному, «маленькому» человеку, повседневная и, казалось, малозначительная деятельность которого и меняет общество, совершает историю. Отсюда, собственно, и пошла речь о практиках повседневности. Особо показательна здесь фигура Н. Элиаса, который сделал социологические выводы из истории повседневности. На эмпирическом материале истории быта и повседневных отношений он поставил под сомнение господствующий в социологии тезис, согласно которому поведение есть функция нормы, привлек внимание к появлению новых, ненормативных, девиантных моделей поведения, которые позднее становятся нормой. «Социологические теории, в которых нормы называются причинами человеческих отношений людей и которые не принимают во внимание возможность ненормативных и нерегулируемых человеческих отношений,искажают картину обществ, как и теории, не принимающие во внимание возможность типизации ранее не стандартизованных, неуправляемых человеческих отношений» [6. С. 45].

Еще ранее феноменологическими социологами был поставлен вопрос: как человеческая субъективность превращается в объективную реальность и как эта объективная социальная реальность, т.е. общество, «уживается», существует в индивиде, организует и направляет его поведение? По большому счету, они не ответили на этот вопрос. Ответ на него кроется в изучении процесса формирования и изменения жизненного мира, т.е. изучении процесса и механизмов повседневных действий людей. Феноменологическая социология говорит, что люди находятся внутри (под куполом) некоторого символического универсума, что и позволяет им согласованно действовать. Культурно-символическое обоснование типизаций не объясняет того, что вещи, события и их обозначения (значения слов) меняют свое содержание, становятся знаками других действий. Феноменологический подход также не обращает внимание на «возможности альтернативной типизации, альтернативной объективации, альтернативной институционализации...» [7]. Проще говоря, люди не только истолковывают знаки в соответствии с культурными установками жизненного мира, но и перетолковывают их порой неожиданным образом, раздвигая горизонты жизненного мира и тем самым меняя «другие миры» –

различные аспекты общества. Основной вопрос феноменологии – как люди в социальном, культурном взаимодействии воспринимают, толкуют, перетолковывают и конструируют социальную действительность – остался открытым, но его обсуждение привело к постановке ряда конкретных методологических проблем: соотношение повседневности и системы; соотношение рационального и нерационального в повседневной жизни человека; проблема механизмов изменения реальности. Дадим краткую характеристику сути этих проблем.

Проблема соотношения повседневности и системы. С одной стороны, повседневность отражает существенные характеристики социальной системы, с другой – повседневность можно рассматривать как источник ее трансформации. Возникает вопрос: *как повседневным практикам удается изменить систему?*

Проблема соотношения рационального и нерационального в жизнедеятельности людей. В классической теории повседневность противопоставлялась разуму как нечто неустойчивое – устойчивому, иррациональное – рациональному. Но в феноменологической теории жизненный мир как результат повседневной жизни был объявлен основой рациональности. Был выдвинут тезис, что рациональность повседневности – это не недоразвитое теоретическое сознание, а особая практическая рациональность (Щюц), «плавильный тигль рациональности» (Б. Вальденфельс). Возникает вопрос: *как рациональность «выплавляется» в повседневности?*

Проблема механизмов изменения реальности. Это основная проблема. Современная феноменологическая теория в лице Б. Вальденфельса утверждает, что между повседневной жизнью и институциональным порядком имеет место своеобразная конверсия (от лат. *conversio* – «обращение», «превращение»): «Нисходящее движение оповседневивания имеет свою противоположность в восходящем процессе преодоления повседневности. Сюда относится появление необычного в процессах творения и инновации, которые прокладывают себе путь с помощью отклонений, отходов от правил и новых дефиниций. ... Повседневность, понимаемая в такого рода процессах перевоплощения, действует, кроме того, как фермент, как закваска, которая позволяет чему-то зарождаться» [8. С. 47, 49].

Возникает вопрос: *как новое «выплавляется» из старого; каковы механизмы появления новых действий, которые потом превратятся в новую систему?*

2. Теория практик как методология изучения повседневности: как теория практик может помочь решению выделенных проблем?

В той или иной форме термин «практика» был принят в социальной теории, так как имеет ценность для достижения методологических компромиссов и интеграции исследовательских полей различных гуманитарных дисциплин. Различные авторские теории практик показывают процесс конвертации объективных (материальных) и субъективных (идеальных) компонентов человеческой деятельности, активности, процесс социального (совместно-деятельностного) конструирования реальности. В фокус исследовательского внимания попадают такие предметы, как события повседневной жизни и ве-

щи повседневности. Это новая предметная область исследований – наряду с системами, структурами, действиями, интерпретациями и др., характерными для структурно-функциональной и феноменологической теории. Историко-этнографическое описание не позволяет понять, как эти явления (вещного мира) включены в структуры взаимодействия и индивидуального поведения. Другое дело, если их рассматривать не как отельные явления, а как некоторый фон, который выражает «дух времени» – смысловой горизонт. Важно не полезное свойство вещи само по себе, а характер, способ его использования, который проливает свет на намерения и ориентации человека. «Следует рассматривать повседневность не как череду одномерных, нерефлексируемых поведенческих актов, а как среду событийности, средоточие *микрособытий...*» [7]. Вещь и событие как явления повседневности имеют общую основу возникновения – значимость для человека. Разным людям являются разные вещи и события. Точнее, человек их сам создает для себя, выделяя что-то из окружающей реальности: что-то замечая, а что-то игнорируя. Вещи – посредники (и проводники) в отношениях человека как с окружающей реальностью, так и с другими людьми. «Одно из условий, при которых материальные объекты выходят на первый план, подразумевает конфликтные ситуации, возникающие в ходе стремления различных социальных групп присвоить технологиям противоречивые значения» [9. С. 108].

Немаловажным методологическим достоинством понятия «практики» является и то, что они, «в отличие от будней повседневности, процедурны, имеют свою внутреннюю логику, содержательно тематизированы, имеют свои правила, как формальные, так и неформальные» [10].

На наш взгляд, для обсуждения вышеуказанных методологических проблем изучения повседневности перспективными являются теории, созданные П. Бурдье, Н. Элиасом и М. де Серто. Перспективными их делает то, что они различными понятийными конструктами обсуждают, по сути, вопрос о практической рациональности как когнитивном механизме изменения социальной реальности.

Практическое действие и практическое сознание образуют некоторую устойчивую модель операционального, алгоритмичного и слаборефлексивного действия, «правильность» которой обусловлена не постижением некоторой истины, а достижением эффективности действия. Если практическая (повседневно-бытовая) цель достигнута, то какого-либо объяснения, почему это произошло, для деятеля не требуется. Успешность практик в повседневной жизни сама по себе задает уверенность в «правильном» понимании реальности. «Мы не действуем на основе некоторого априорного понимания, а понимаем на основе привычного способа действия» [11. С. 22]. Жизненный мир – это сфера очевидного, понятного. Но разные люди живут в разных жизненных мирах, или, лучше сказать, повседневная жизнь различна (до некоторой степени) у разных социальных групп. Рациональность как необходимость анализа собственной деятельности и устройства мира включается в жизнедеятельность человека тогда, когда происходит сбой деятельности в повседневной жизни.

Рассмотрим возможности применения теорий вышеуказанных авторов для обсуждения методологических проблем исследования повседневности.

2.1. Проблема соотношения повседневности и системы в «практической парадигме»

Habitus П. Бурдье можно рассматривать как медиатор повседневности и системы. Система действий формируется на протяжении длительного времени и отражает различные возможности и ограничения практической деятельности, которые имели место в длительной исторической перспективе. Нет однозначно заданной свободы, как нет и четко прописанной необходимости. Возможности и ограничения поведения и действий задаются особенностями той среды, которая формируется в процессе трудовой, семейной, экономической, политической и т.д. деятельности. Социальная необходимость – это необходимость поддержанияаждодневного порядка.

«Фигурации» Н. Элиаса можно рассматривать как «заготовки» институтов. Методология Элиаса направлена на установление определенного соответствия между структурами повседневности и типами личности. Изменения в обществе необходимо связаны с изменением личности. «История повседневности» доказывает: люди не одинаково движутся по одной и той же колее, а потому индуктивный путь – путь к постижению общего (представлений о мире некоторой группы людей или всего общества) через отдельное (жизни, «повседневности» отдельных людей) – весьма продуктивный путь воссоздания жизни ушедших столетий» [12].

М. де Серто рассматривает соотношение системы и жизненного мира как соотношение стратегий власти и тактик повседневной жизни «маленького человека». Процесс конструирования социальной реальности, по Серто, проекает в двух режимах: производства и потребления. Производится реальность посредством стратегий власти и институтов. Но на уровне повседневности произведенная реальность потребляется в режиме присвоения отдельных фрагментов. Присвоение осуществляется через большое множество тактик – способов присвоения.

2.2. Проблемы соотношения рационального и нерационального в жизнедеятельности людей в «практической парадигме»

Habitus П. Бурдье можно рассматривать в аспекте этой проблемы как «коридор» (место перехода) объективного и субъективного, рационального и нерационального, место неосознанной объективации субъективных ожиданий представителей общества. Суть в том, что реальность производится действиями актора, но действия эти не произвольны и не целерациональны, как бы это не казалось самому актору, а предопределены, во-первых, предшествующим социальным опытом; во-вторых, особенностями той социокультурной среды, в которой вырос, сформировался деятель.

Н. Элиас вновь поднял тему особой рациональности процесса игры. Его понятие фигураций есть такая форма взаимозависимости, которая включает в себя как рациональные, так и нерациональные компоненты, как целенаправленные, так и случайные. «Этот порядок (повседневности) ни рациональный (если под «рациональностью» понимать возникающее подобно машине целенаправленное согласование человеческих усилий в одном направлении), ни иррациональный (если под «иррациональностью» понимать нечто возникающее спонтанно и беспричинно)» [13. С. 72].

М. де Серто обратил внимание на особую рациональность потребления. Действия властных структур Серто называет стратегиями производства реальности: «...по этой стратегической модели конструируется политическая, экономическая и научная рациональность» [14. С. 50]. Потребление реальности происходит на основе другой рациональности, которая господствует в повседневности, – рациональность повседневных забот, если это можно считать рациональностью. Серто различал «пространства» и «места». Место – это организованный порядок, система объектов. «Место подчиняется закону «истинности»: рассматриваемые элементы находятся рядом друг с другом, каждый занимает свое «истинное» и четко выделенное положение, им же определяемое. Таким образом, место является конфигурацией положений в данный момент времени и косвенно служит показателем стабильности» [15. С. 172]. Пространство появляется тогда, когда элементы места приходят в движение, когда происходит изменение местоположения объектов. «Короче говоря, пространство – это практикуемое место. Так, улица, геометрически определенная градостроителем, превращается пешеходами в пространство» [Там же. С. 173]. Пространство – это антропологическое и экзистенциальное, а не геометрическое явление; пространство производится людьми, когда они устанавливают смысловые связи между объектами места.

2.3. Проблема механизмов изменения реальности сквозь призму «практической парадигмы»

П. Бурдье рассматривает Habitus как механизм «нормального восприятия» и одновременно нормализации новых действий. Сложившиеся условия существования становятся структурой, устойчивой системой практических действий, которая является базисом восприятия и оценки всего последующего опыта. «Нормальным» признается то, что соответствует определенному habitus – сложившейся практике поведения и образу жизни. И далее эта сложившаяся практика восприятия и оценивания реальности начинает диктовать правила восприятия и действия и даже направляет ход мыслей в «правильном» направлении [16].

Н. Элиас поясняет, что модели фигураций – это модели игры, правила которой люди устанавливают порой неосознанно, случайно, спонтанно и которые постоянно меняются. Новая, непреднамеренно возникшая фигурация отношений порождает новый контекст локальных действий – новое определение ситуации, другой смысл действия, а значит, по сути, другое действие по своим последствиям. «Эти непреднамеренные последствия устанавливают образец поведения, который формирует контекст локальных действий» [6. С. 48].

М. де Серто рассматривает «тактики» как механизмы конструирования социальной реальности. В отличие от стратегий власти тактика – способ реализовать свой интерес для «слабых» – не обладающих властью. Описание тактик выглядит как описание механизмов деконструкции «письма». Их много, примером могут служить такие механизмы, как рекомбинация, импровизация, аппроксимация, новые способы оперирования. Данные механизмы

начинают работать тогда, когда удается посмотреть на вещи, ситуацию «другими глазами» – в другом контексте употребления. Тактики также появляются в результате непроизвольного, случайного, ошибочного действия, т.е. нетрадиционного употребления вещи, места, знака. В обоих случаях это практические контексты возникновения тактик, т.е. они возникают в процессе использования, оперирования «подручными средствами», как выразился бы Хайдеггер.

Резюме

Новые смыслы и модели поведения возникают в результате «разрыва по-вседневности» – непреднамеренных новых практик, возникающих в двух ситуациях: использование старой практики в новом контексте повседневности; изобретение новой практики (другого варианта действия) использования структур повседневности.

Когнитивным механизмом конвертации структур повседневности и характеристик системы является не столько теоретическая, сколько практическая рациональность. Рациональность как необходимость анализа собственной деятельности и устройства мира включается в жизнедеятельность человека тогда, когда происходит сбой деятельности в повседневной жизни.

П. Бурдье, Н. Элиас, М. де Серто сходятся в том, что через практические, слаборефлексивные, повседневные действия происходит конверсия между повседневной жизнью и институциональным порядком.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения // Макс Вебер / пер. с нем. М. Левин, А. Филиппов и др. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике. // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
4. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 120–136.
5. Григорьев Л.Г. Социология повседневности Альфреда Шюца // Социологические исследования. 1987. № 1. С. 123–128.
6. Козловский В.В. Фигуративная социология Норберта Элиаса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3 (11). С. 40–54.
7. Королев С.А. Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды // Философская мысль. 2013. № 8. С. 356–422.
8. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // СОЦИОЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.
9. Котельникова З.В. Как вещи вторгаются в отношения (на примере противокражного оборудования в магазинах) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 4. С. 105–26.
10. Жигунова Г.В. Повседневность как социальный феномен [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 8 (52). С. 56–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-kak-sotsialnyy-fenomen> (дата обращения: 25.09.2017).
11. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
12. Пушкирова Н.Л. История повседневности как направление исторических исследований [Электронный ресурс] // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 25.09.2017).

13. Марков Б.В. Культура повседневности: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
14. Серто М. де Изобретение повседневности / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
15. Де Серто М. Практика повседневной жизни. Ч. 3: Пространственные практики // Прогнозис. 2010. № 1. 265 с.
16. Бурдье П. Структуры, habitus, практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 44–54.

Petukhov Aleksandr S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: petuhov.alex-r@yandex.ru

Pirogov Sergey V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: pirogoff@ngs.ru

DOI: 10.17223/1998863X/41/18

PRACTICE THEORIES AS A METHODOLOGY FOR EVERYDAY LIFE STUDIES

Key words: everyday life, practice theories.

The article examines the possibilities of applying practice theories to study everyday life. The discovery of everyday life in phenomenological philosophy and historical science led to a methodological discussion on a number of issues of socio-philosophical cognition. Three methodological problems are singled out in the article: the problem of the correlation between everyday life and institutional order, the problem of the correlation of the rational and the non-rational in people's lives, the problem of mechanisms for changing reality. The limitations of the phenomenological interpretation of everyday life were analysed, and the methodological possibilities of practice theories are shown. The methodological potential of everyday life studies of the following theories was analyzed: P. Bourdieu's theory of habitus, N. Elias's theory of configurations, M. de Certeau's theory of spatial practices.

References

1. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German by M. Levin, A. Filippov et al. Moscow: Progress.
2. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Kharkov: Folio.
3. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respulika.
4. Schütz, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniya [Structure of everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 120–136.
5. Grigoriev, L.G. (1987) Sotsiologiya povsednevnosti Al'freda Shyutsa [Sociology of daily life by Alfred Schütz]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 123–128.
6. Kozlovskiy, V.V. (2000) Figurativnaya sotsiologiya Norberta Elias [Figurative sociology by Norbert Elias]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 3(11). pp. 40–54.
7. Korolev, S.A. (2013) Povsednevnost' kak emanatsiya sotsial'nosti: transformatsii i trendy [Everyday life as an emanation of sociality: transformations and trends]. *Filosofskaya mysl' – Philosophical Thought*. 8. pp. 356–422. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.709
8. Waldenfels, B. (1991) *Povsednevnost' kak plavil'nyy tigl' ratsional'nosti* [Everyday life as a melting pot of rationality]. Moscow: Progress. pp. 39–50.
9. Kotelnikova, Z.V. (2011) Kak veshchi vtorgayutsya v otnosheniya (na primere protivokra-zhnogo oborudovaniya v magazinakh) [How things interfere in relationships (on the example of anti-theft equipment in stores)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 14(4). pp. 105–26.
10. Zhigunova, G.V. (2015) Povsednevnost' kak sotsial'nyy fenomen [Daily life as a social phenomenon]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Russian Journal of Education and Psychology*. 8(52). pp. 56–71 [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-kak-sotsialnyy-fenomen>. (Accessed: 25th September 2017). DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-4
11. Volkov, V.V. & Kharkordin, O.V. (2008) *Teoriya praktik* [The Theory of Practices]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
12. Pushkareva, N.L. (2010) *Istoriya povsednevnosti kak napravlenie istoricheskikh issledovanii* [The history of everyday life as a direction of historical research]. [Online] Available from:

---

http://www.perspektivy.info/book/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm. (Accessed: 25th September 2017)

13. Markov, B.V. (2008) *Kul'tura povsednevnosti* [Culture of Everyday Life]. St. Petersburg: Piter.
14. De Serto, M. (2013) *Izobretenie povsednevnosti* [Invention of Everyday Life]. Translated from French by D. Kalugin, N. Movnina. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
15. De Serto, M. (2010) Praktika povsednevnay zhizni. Ch. 3. Prostranstvennye praktiki [Practice of everyday life. Part 3. Spatial practices]. *Pro-gnozis*. 1(20).
16. Bourdieu, P. (1998) Strukturny, habitus, praktiki [Structures, habitus, practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1(2). pp. 44–54.